

© М.А. Мочалова

Рецензия на книгу: Laurajane Smith. Emotional Heritage: Visitor Engagement at Museums and Heritage Sites. London; New York, Routledge 2021. 352 p.

Не будет преувеличением назвать Лаураджейн Смит одной из самых известных и влиятельных ученых в области исследований наследия (*heritage studies*) сегодня. Смит является основателем и первым президентом Ассоциации критических исследований наследия, профессором и главой Центра исследований наследия и музеев Австралийского национального университета, редактором издания «International Journal of Heritage Studies» и автором широко известной и цитируемой книги «Uses of Heritage» (2006). Получив образование как археолог и исследователь индигенности, Смит завоевала международное признание благодаря своим новаторским работам, которые существенно трансформировали современное понимание культурного наследия и научные подходы к его изучению.

«Emotional heritage» — вторая масштабная книга Смит, отчасти развивающая более ранние ее концепции. Первая работа исследовательницы («Uses of Heritage») во многом переопределила академический дискурс в области *heritage studies*, продемонстрировав, как власть, память и идентичность взаимодействуют через практики сохранения и репрезентации наследия. Первая книга Смит посвящена проблематизации культурного наследия как социального и культурного процесса взаимодействия множества акторов в противо-

Мочалова Мария Алексеевна – младший научный сотрудник ИЭА РАН.
e-mail: masha.mochalova@iea.ras.ru. orcid: 0000-0003-2702-737X

Рецензия подготовлена в рамках проекта, поддержанного РНФ, №24-28-01577 «Инициативы по производству и сохранению памяти и наследия в современной России: акторы, мотивации, механизмы»

Для цитирования: Мочалова М.А. Рецензия на книгу: Laurajane Smith. Emotional Heritage: Visitor Engagement at Museums and Heritage Sites. Routledge, London; New York, 2021. 352 p. // Антропологии/Anthropologies. 2024. No 2. С. 170-176, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2024-2/170-176>

вес традиционному его пониманию как некой совокупности ценных материальных объектов, нуждающихся в трепетной охране. Исследуя различные подходы к наследию, Смит приходит к выводу, что этот процесс, часто также называемый культурным производством, включает в себя множество практик и дискурсов. Это, в свою очередь, определяет наследие как сложный социальный конструкт, неразрывно связанный в первую очередь со взаимодействием людей по поводу культурных объектов. Эти взаимодействия, таким образом, становятся центральным объектом критических исследований наследия, сместив сами «вещи», их материальность с этой позиции.

Центральной разработкой Смит, на которую она опирается и в рецензируемой книге, стала критическая концепция так называемого «авторизованного дискурса наследия» (АДН), до сих пор остающаяся одной из ключевых оптик в изучении практик сохранения и репрезентации культурного наследия. Под АДН исследовательница понимает доминирующий сегодня во всем мире западноцентричный способ определения и обсуждения наследия, который превалирует в профессиональном сообществе музейных работников, реставраторов, археологов и иных экспертов по охране памятников и других культурных мемориальных объектов. Эти эксперты в силу своих профессиональных компетенций, образования и опыта оказываются авторизованными акторами в процессе управления наследием, а дискурс преимущественно фокусируется на материальности, монументальности и эстетической ценности объектов, подчеркивая их древность и необходимость сохранения для будущих поколений. По мнению Смит, такой подход маргинализирует альтернативные, не-экспертные взгляды на наследие и способы его сохранения и репрезентации, существующие в различных культурных и социальных контекстах.

В обеих своих книгах Смит опирается на понимание наследия как процесса, в рамках которого общество осмысляет и обсуждает вопросы коллективной памяти, групповых и локальных идентичностей, распределения и осуществления власти в сфере управления культурой и многие другие вопросы. Через практики сохранения, вспоминания и забвения объектов, признаваемых наследием, люди стремятся найти опору для понимания происходящих в их жизни трансформаций и актуальных общественно-политических вызовов. Таким образом, наследие выступает не столько как набор материальных объектов, сколько как инструмент осмысления настоящего через избирательное обращение к прошлому.

В рецензируемой книге Смит развивает эту критическую линию, обращаясь к эмоциональному измерению взаимодействия с наследием, которое долгое время игнорировалось в рамках АДН. Определяя наследие как процесс и «акт использования прошлого» (С. 3), осуществляемый для лучшего понимания настоящего и поиска отправных точек для будущего, Смит в своей новой работе фокусируется на действии и намерении того, кто взаимодействует с наследием. Она предлагает выйти за границы дискурсивного понимания и рассматривать наследие и как эмоционально заряженное действие, аффективную практику, которая позволяет перформативно использовать прошлое для построения смыслов в настоящем и для настоящего.

Смит во введении задается простым, на первый взгляд, но ключевым для своего исследования вопросом: зачем люди посещают музеи и объекты на-

следия (*heritage sites*)? Наиболее распространенными как для академических, так и прикладных дискуссий ответами она называет обучение и развлечение (досуг), а затем утверждает, что такие предположения определяют посетителей как относительно пассивных потребителей кураторских или иных предложенных для интерпретации сообщений, и предлагает эти сообщения деконструировать. Если этого не сделать, полагает Смит, то значительные аспекты происходящего во время индивидуальных и коллективных посещений таких мест продолжают оставаться вне поля зрения исследователя. В своей работе Смит делает масштабную попытку преодоления этого ограничения и представляет результаты исследования, основанного на широчайшем корпусе данных — 4,5 тыс. интервью с посетителями 45 различных музеев истории и культуры и иных объектов наследия в США, Австралии и Англии.

С самых первых страниц книги Смит погружает читателя в историю, иллюстрирующую, какие именно значительные эмоциональные составляющие опыта взаимодействия с наследием посетителя музея могут быть упущены из виду исследователем. Она рассказывает об интервью с 97-летней женщиной, проведенном у Национального музея иммиграции на острове Эллис в Нью-Йорке. Женщина сообщила Смит, что посетила музей впервые, хотя живет в городе всю жизнь. При этом ее не интересовали музейные экспонаты, а потому в музее женщина пробыла совсем недолго и предпочла экспозиции дворик у воды, где она могла посидеть и «подождать своего отца». Нет, женщина не была сумасшедшей, как она сама заверила Смит. Дело в том, что для отца пожилой дамы, которого она очень любила и уважала, остров Эллис был очень важен всю его жизнь, он проплывал мимо него в далеком 1901 году, по-видимому, прибывая впервые в США. Смит в тексте делится собственной эмоциональной реакцией (она заплакала) на беседу, которая, по сути, была посвящена принятию смерти и умирания, а не обсуждению музея как такового. Для Смит эта история иллюстрирует то, как музеи могут использоваться посетителями — довольно активными и сложными способами, ускользающими от тех, которые традиционно определяются в научной литературе. Далее на протяжении всей книги Смит останавливается на различных подобных историях и представляет в тексте голоса своих собеседников, говорящих о различных неожиданных эмоциональных столкновениях с наследием: как с условно позитивным, так и с диссонантным, связанным с противоречивыми историческими нарративами.

Книга разделена на три части. Первая — «Heritage, Politics and Emotion» (главы 1–3) — представляет теоретическую рамку исследования. Здесь Смит развивает свою критическую концепцию наследия, определяет его как перформативную практику и исследует связь между эмоциями, политикой признания и наследием. Она освещает основные дискуссии, которые ведутся в этой области в течение последних двух десятилетий, говорит о том, как исследователи взаимодействуют с понятиями наследия и используют его как концептуальную рамку в различных проблемных полях.

Отмечу, что в этом разделе книги (глава 1, «Critical realist heritage studies: agency, reflexivity and materiality») Смит представляет свой ответ на некоторое количество критических замечаний по поводу ее концепции «наследия-как-процесса» и АДН, высказанных рядом исследователей за последние 20 лет. Основное направление этой критики связано с подходом Смит

к материальности наследия. Например, Харрисон (2013) и Гонзалес (2018) указывают на ошибочность снижения внимания, уделяемого материальности наследия, в развиваемом Смит и ее последователями подходе. По их мнению, фокус на дискурсивных практиках приводит к тому, что физические объекты становятся лишь приложением к дискурсу, а собственная материальная сложность предметов игнорируется. Более того, антрополог Пабло Алонсо Гонзалес в своей работе «Машины наследия» (2018), опираясь на неомарксистский подход, утверждает, что ее концепция приведет критические исследования наследия как дисциплину к эпистемологическому тупику, поскольку материальная культура начинает восприниматься как субъективный конструкт, а не как объективная историческая реальность, доступная для эмпирического анализа.

Свой ответ критикам Смит основывает на обширном описании позиционирования всех своих исследований в русле критического реализма и уверенности, что существует некоторое распространенное, но неверное понимание ее концепций как оторванных от реальности (С. 29–30). Исследовательница отвечает прежде всего Родни Харрисону как одному из наиболее цитируемых авторов, оспаривающих ее концепцию, называемую им «дискурсивным поворотом» (31), приводящим, по его мнению, к потере из виду аффективных качеств вещей, признаваемых наследием. Смит говорит о таком определении как о «неверной идентификации» (*misidentification*) ее работы, главная цель которой заключалась в демонстрации того, что делает АДН: «взрачивает привилегии» (С. 32) материальности наследия и сводит человеческие ценности, проблемы и стремления к решению «легких» вопросов о том, как сохранить определенные объекты, здания или археологические памятники. На мой взгляд, сама идея развития Смит своей концепции в сторону аффективного поворота, представленная в новой книге и сформулированная в главе 2 («Reconsidering heritage and identity: the politics of recognition and the affective practices of heritage»), основана на ее стремлении ответить критикам на разных уровнях и показать, насколько гибкой является разработанная ею ранее рамка и как удачно она вписывается в общий сохраняющийся последние 40 лет в социальных науках «эмоциональный тренд».

Глава 3 («Registers of engagement») посвящена новому специально разработанному Смит аналитическому инструменту для изучения аффективности наследия — так называемым «регистрам вовлеченности», которые представляют собой некое «эвристическое устройство» (С. 64), помогающее понять и измерить по нескольким показателям то, как люди взаимодействуют с музеями и объектами наследия. Использование регистров позволяет учитывать различные измерения опыта посещения музея и объекта наследия по нескольким параметрам, характеризующим, по мнению Смита, любое вовлечение во взаимодействие с наследием. Данные параметры — это: интенсивность (от поверхностного до глубоко эмоционального взаимодействия), валентность (испытываемые позитивные или негативные эмоции) и ориентация политических и социальных ценностей (от консервативных к прогрессивным/либеральным) (С. 65–66). Смит отмечает здесь, что даже поверхностное взаимодействие может иметь значительные последствия для культурной и политической рефлексии, а глубокое эмоциональное вовлечение не обязательно ведет к критическому осмыслению. Концепция регистров позволяет выйти за рамки традиционной музейной дихотомии «обучение/развлечение»

и понять всю сложность того, как люди используют наследие для создания смыслов в настоящем. Смит показывает, что люди целенаправленно посещают музеи и объекты наследия, чтобы испытывать эмоции. Эти эмоции затем используются для обоснования, трансляции, а порой и оспаривания смыслов, с которыми посетители сталкиваются во время своего визита, что подробнее рассматривается с опорой на материалы интервью в части 3.

Вторая часть книги — «Methods and Quantitative Findings» (главы 4–7) — описывает методологию и количественные результаты масштабного эмпирического исследования, проведенного Смит и ее командой. В главах 4 («Methods») и 5 («Overall findings and national comparisons») Смит подробно описывает историю исследования, места сбора данных, методологию и вопросы, задаваемые респондентам. Исследование проводилось в три периода: в 2004 (эти данные были использованы в «Uses of Heritage»), 2007 и 2010–2013 годах. 4,5 тыс. интервью были собраны в 45 различных музеях и объектах наследия в Англии (2415), США (1143) и Австралии (944). Задавались как открытые, так и закрытые вопросы. Места для интервью выбирались по двум критериям: они либо представляли нарративы национальной истории, либо имели дело со спорным и противоречивым прошлым — трудным наследием. Глава 5 также содержит некоторый сравнительный анализ данных по трем исследуемым странам и определения проблем, которые получают развитие в третьей части книги. В главе 6 («Genres of museums and heritage sites: comparisons») Смит анализирует различия между двумя категориями исследуемых «театров наследия»: представляющими национальные (доминирующие) и диссонантные (трудные, противоречивые) исторические нарративы, а также внутреннюю типологию каждой группы. К первой группе относятся, например, музеи-усадьбы, национальные галереи, военно-исторические музеи. Ко второй — места и музеи, связанные с историей коренных народов, музеи иммиграции, истории рабства и т. п. Исследование Смит показало, что различия между типами мест проявляются сильнее, чем различия между странами. При этом эмоциональная вовлеченность посетителей варьирует в зависимости от типа места, что влияет на то, какие перформативные практики там преобладают. Глава 7 («Demographic variables and visitor responses») сопоставляет демографические и социальные признаки опрошенных (гендер, возраст, этничность, образование и профессиональную принадлежность) с результатами интервью.

Третья часть — «Emotional heritage: themes and performances» — подразделена на 6 небольших глав, представляющих аналитические итоги исследования. В главе 8 («Reassessing learning: changing views and deepening understanding») Смит показывает, как под привычным «языком обучения» маскируются многие другие способы взаимодействия посетителей с наследием. Глава 9 («Performing reinforcement and affirmation: 'it just reinforces a lot of the stuff I think'») во многом продолжает эту идею. Смит приводит примеры того, как опыт посещения «просто укрепляет то, что я думаю» в парадигме посетителя. При этом такое подтверждение может зачастую не иметь ничего общего с кураторскими решениями. Концепция «эмоциональной банальности», связанная с ощущением гордости, комфорта и безопасности, которые создает историческая определенность экспозиции, раскрывается в главе 10 («Emotional banality and heritage-making: the banality of grandiloquence revisited») на примере посещения музеев-усадьб, о которых Смит уже пи-

сала в своих более ранних работах. Эти ощущения связаны с упрочнением доминирующего национального дискурса, а в отношении английского общества — еще и классового. Отмечу, что именно усадьбам посвящена единственная переведенная на русский язык статья исследовательницы (Смит 2013), некоторые фрагменты которой вошли в книгу. Глава 11 («Intergenerational communication and connection») представляет использование музеев и объектов наследия в межпоколенческой коммуникации. В обсуждении музеев, играющих свою роль в передаче ценностей и идентичностей между поколениями, Смит включает как реальные разговоры между родителями и детьми в музее, так и «воображаемые беседы» с ушедшими членами семьи. В главах 12 («Heritage and the politics of recognition») и 13 («Heritage, privilege and the politics of misrecognition») центральной проблемой является политика признания, в которой непосредственное участие принимают музеи и объекты наследия. Сначала в контексте репрезентации меньшинств и достижения социальной справедливости Смит показывает, как посетители используют музеи для утверждения собственной идентичности или признания идентичности других, а затем она анализирует связь между наследием, привилегиями и политикой непризнания, демонстрируя, как посетители используют эмоциональные стратегии для защиты от информации, которая может поставить под вопрос их привилегированное положение. Исследовательница переворачивает утверждение о том, что музеи являются безопасными местами для взаимодействия с небезопасными нарративами на примерах столкновения белых посетителей среднего класса с кураторским сообщением, которое они воспринимают «когнитивно диссонантным» (С. 287) и пытаются отвергать легитимность испытываемых эмоций или как-то нивелировать их.

Красной нитью через всю книгу проходит идея о том, что наследие является одновременно политическим и эмоциональным, а посетители активно участвуют в создании его смыслов, а не просто пассивно воспринимают кураторские нарративы. Финальная часть книги убедительно демонстрирует важность аффекта в исследованиях наследия, показывая, как люди используют эмоциональные инструменты для выстраивания или дистанцирования от экспозиций, подтверждая собственное чувство идентичности независимо от содержания и направленности посещаемой выставки. Особенностью книги являются голоса респондентов, представленные через цитаты, удачно иллюстрирующие идеи Смит. Эти реплики посетителей погружают читателя в их удивительно разнообразную рефлексию, порой жесткую и вызывающую негодование, но также часто полную сострадания и принятия.

В завершении хочу отметить, что внимание, пусть и порой критическое, оказанное концепции Смит представителями разных дисциплин, свидетельствует о значимости ее разработок для исследований наследия. Рост интереса к теории наследия и эмоций в России (Николаи 2024), а также удачные находки для настройки собственной оптики, которые непременно обнаружит в ее работах каждый интересующийся исследованиями наследия и памяти, на мой взгляд, определяют необходимость перевода этого и других ее текстов на русский язык.

Литература

Николаи Ф. В. Эмоции, культурное наследие и «ностальгия по будущему» в концепции Лораджейн Смит // Преподаватель XXI век. 2024. № 1–2. С. 346–352.

Смит Л. «Зеркало наследия»: нарциссическая иллюзия или множество отражений? // Вопросы музеологии. 2013. № 2 (8). С. 27–44.

Gonzalez P. A. The Heritage Machine: Fetishism and Domination in Maragateria, Spain. Pluto Press, 2018.

Harrison R. Heritage. Critical Approaches. Routledge, 2013.

Smith L. Uses of Heritage. London: Routledge, 2006.

Book Review

Mochalova M. A. Book Review: Laurajane Smith. Emotional Heritage: Visitor Engagement at Museums and Heritage Sites. Routledge, London; New York, 2021. 352 p. // Антропологии / Anthropologies, 2024, no 2, pp. 170-176, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2024-2/170-176>.

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Mochalova M. A. | masha.mochalova@iea.ras.ru | <https://orcid.org/0000-0003-2702-737X> | Junior researcher, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

